

Гу Паньчэнь был окружен ореолом таинственности, словно облака и туманы гор, и эта загадочная красота делала его притягательность еще более глубокой и насыщенной. Хань Сю не мог с этим справиться, чувствуя, как его сердце учащенно бьется, тело нагревается, а в голове вспыхивают бесчисленные искры вдохновения, сталкиваясь и порождая вибрации. Это волнение было даже сильнее, чем когда он находился в Городе П, заставляя его тело дрожать от неконтролируемого трепета.

Он передумал.

Он поколебал свою изначальную идею «держаться на расстоянии, пока не убедится, что это его возлюбленный», и даже почувствовал что-то определенное — хотя и не мог точно сказать, когда именно, — что готов ради этого мужчины отказаться от своего возлюбленного в этом мире, если тот действительно им не окажется.

Когда он понял, что сегодняшние съемки закончились, он с чувством одновременно сожаления и облегчения произнес эти слова.

По крайней мере, до этого момента он еще мог держать себя в руках.

Возможно, ему не стоило снимать портреты. Если каждый раз, снимая человека, он влюбляется в того, кто изображен на снимке, он готов отказаться от достижений в этой области.

Эта мысль только зародилась в его голове, как в следующее мгновение она превратилась в маленький пузырь, который лопнул, став иллюзорным фоном из-за движения Гу Паньчэня.

— Дядя, ты устал? Может, отдохнешь немного?

Услышав, что работа закончена, Гу Паньчэнь, чье выражение лица до этого момента было холодным и сосредоточенным, словно лед, внезапно смягчилось, как весенний ветер, растапливающий снег. Он с заботой спросил:

— Нет! — Хань Сю поспешно остановил его. — Подожди.

Затем, видя, как Гу Паньчэнь слегка нахмурился, он запечатлел этот момент, щелкнув затвором камеры.

Он, обливаясь потом, плюхнулся на широкий диван, запрокинул голову и, глядя на изысканную лепнину на потолке, тяжело дышал.

— ... — Гу Паньчэнь приблизился, его дыхание по-прежнему несло ту же тревожащую заботу.

— Дядя, скажи мне, что с тобой все в порядке, а?

Последний звук, с низким и глубоким тоном, вызывал учащенное сердцебиение.

О боже... Хань Сю беспомощно закрыл лицо рукой, окончательно сдался и, схватив Гу Паньчэня за воротник, притянул его к себе, прижавшись губами к его губам.

Он беспорядочно целовал лицо этого мужчины, не думая о том, кто он, был ли он его возлюбленным или нет, позволяя сомнениям и неопределенности хотя бы на время, хотя бы в этом мире, покинуть его. В этот момент он был абсолютно уверен, что человек перед ним — его возлюбленный.

Кто еще в мире мог заставить его так потерять контроль?

Он сбивчиво шептал, его глаза были затуманены:

— Я влюбился в тебя, или в тебя на фотографии... Я не знаю... Я не могу себя контролировать...

Гу Паньчэнь, немного удивленный, медленно протянул руки и молча обнял Хань Сю.

— Дядя...

Низкий голос мужчины сопровождался явственной вибрацией его грудной клетки.

Хань Сю ясно почувствовал, как последняя нить его рассудка с треском оборвалась.

Он был его музой, его живым вибратором, он не мог сопротивляться.

После случившегося Хань Сю лежал на большой кровати в спальне, примыкающей к кабинету генерального директора, и, остывая, невольно радовался, что ему повезло сделать правильную ставку.

Гу Паньчэнь действительно был его возлюбленным.

Что касается того, почему Гу Паньчэнь до этого момента не вызывал у него знакомого чувства, то, вспоминая Шэнь Минчжэна, он понял, что тот тоже проявился лишь спустя долгое время.

Может, родственная близость затуманивает это ощущение?

Хань Сю задал этот вопрос Системе, но, почему-то, ответа не последовало, и он остался наедине со своими беспорядочными мыслями.

Дверь ванной открылась, и Гу Паньчэнь вышел, обернувшись белым полотенцем вокруг талии, с мокрыми волосами. Обычно, даже в рубашке, было видно, что у него крепкое и подтянутое тело, но сейчас его превосходная фигура была видна как на ладони. Даже Хань Сю, который уже считал, что прошел через период своего безумного художественного увлечения, увидев это, снова почувствовал, что очарован этим человеком.

Заметив, что взгляд Хань Сю на нем как будто выражает что-то невысказанное, Гу Паньчэнь медленно приблизился.

С ощущением легкого прогиба, горячее тело с легкой влажностью прижалось к нему, Гу Паньчэнь окружил Хань Сю своими руками, и в этот момент его охватило чувство удовлетворения, будто он полностью защитил своего дядю.

Этот жест... он давно хотел его сделать.

С детства его учили защищать дядю, который был на два года младше, выглядел изящно и мило, как девочка, и был таким хрупким. Это чувство защиты со временем начало меняться.

Он хотел защитить дядю, чтобы тот мог улыбаться беззаботно под его опекой.

Но —

Как и этот жест, такая защита, казалось, содержала слишком много агрессии и желания контроля. Он не должен был делать такие двусмысленные, агрессивные движения, но сейчас

он сделал это.

Как и то, что он не должен был делать то, что они только что сделали, но в тот момент, когда дядя поцеловал его, он забыл обо всем.

В ванной он много думал. Даже боялся выйти — не знал, будет ли дядя еще там, или уже оденется и уйдет?

Гу Паньчэнь сам был талантливым режиссером, и он прекрасно понимал, что художники, которые особенно чувствительны к своему искусству, могут импульсивно совершать такие поступки.

Но он также ясно осознавал, что в его сердце он ни за что не хотел бы считать это просто импульсом.

Он знал, что не может быть тем, кто так защищает дядю, поэтому всегда мог только молча наблюдать за ним издалека.

Иногда он думал, что, возможно, однажды дядя будет защищен кем-то другим, и это вызывало у него горько-сладкое чувство, от которого щипало глаза.

Так что, если дядя всегда прятался дома и не общался с внешним миром, разве это не было результатом его собственного попустительства? Если бы он, как и другие старшие, постоянно поощрял его выходить, а не тайно внушал ему: «Дяде не нужно напрягаться, Сяочэнь всегда будет тебя защищать», и максимально участвовал в жизни дяди, возможно... дядя был бы гораздо более открытым.

Он с беспокойством посмотрел вниз, на ясные глаза дяди, в которых не было слез, только легкая дымка.

Его сердце сжалось.

Дядя... сожалеет?

— А ты пожалеешь?

— Конечно нет. — Гу Паньчэнь сразу же отрицал.

Тут он понял, что только что неосознанно озвучил свои мысли.

Раз слова уже были произнесены, не было смысла сомневаться.

Его взгляд стал мягким, словно его можно было бы выжать, как воду, и он сосредоточенно смотрел на Хань Сю, будто в его мире больше никого не существовало.

— Есть одна вещь, которую я никогда тебе не говорил, дядя. Каждый раз, когда я называю тебя дядей, на самом деле я имею в виду твоё имя Шу... Я люблю тебя. Ты позволишь мне заботиться о тебе в будущем?

Хань Сю моргнул, его длинные ресницы слегка дрогнули, словно щекоча сердце Гу Паньчэня.

Он никогда не замечал, что ожидание может быть таким мучительным.

— ...

Хань Сю медленно, очень медленно улыбнулся.

Каково это — встретить долгожданный дождь после засухи?

На следующее утро Хань Сю, держась за поясицу и обнимая подушку, лежал в постели, а Гу Паньчэнь, бодрый и энергичный, принес завтрак и разбудил его. Оба нашли ответ на этот вопрос.

В конце концов, Хань Сю, сонно уставившись на лицо Гу Паньчэня, которое, хотя и не выражало эмоций, казалось, излучало весеннюю радость, нашел в себе силы великого духа искусства, чтобы прогнать сонливость.

«Такой Гу Паньчэнь обладал еще большим очарованием, чем вчера».

Пока «Краса страны» и «Руины» Гу Паньчэня находились в процессе подготовки, в Weibo начали появляться некоторые неоднозначные голоса.

— «Краса страны»: закулисные манипуляции с условиями отбора моделей!

— Божественный статус Лунного бога поставлен под сомнение!

<http://bllate.org/book/17715/1655517>